

Товарищество романтиков

Всё смешалось и перепуталось в нашем доме и в голове. Думаешь порой: вскрой хирург черепную коробку и увидит там свалку, в которой сам чёрт ногу переломит: сникерсы и тампексы, маклеры и дилеры, ваучеры и спонсоры, бизнесмены и предприниматели.

А как нас теперь называть? Тут и вовсе мозги набекрень. Ну, раньше понятно: мы все были «товарищи». Потом решили — это нам ни к чему. Может, «гражданин»? Нет, не подходит. Отдаёт, знаете ли, Колымой, Соловками и Беломорканалом: «гражданин начальник». Может, «сударь» и «сударыня»? Опять не то. В конце полемики, а она у многих на слуху из средств массовой информации, мы остановились на том: мужчина — это господин, а женщина — дама. Или «госпожа»?.. В последнем я что-то ещё путаюсь. Но всё равно, пусть мы будем дамами и господами. Кто против, а я — нет.

Но в этих спонсорах и дилерах, сникерсах и ваучерах, дамах, господах и бизнесменах совсем не слышно слова «романтика». Ушло оно куда-то вдаль, «за запахом тайги», скрылось за горизонтом, ни слуху — ни духу. Может, и впрямь скончалась, исчезла из жизни романтика, которая по словарю «...содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека, содействующие эмоционально-возвышенному мироощущению...» Умерли эти идеи? Погибли? Увязли в жизненной рутине, прагматизме?

Уверяю вас: жива романтика. Только подобна она реке подо льдом. Сверху всё гладко, ровно и пусто, но прислушаешься: река течёт и гудит, а значит — живут «идеи и чувства». Представьте себе — прекрасно живут.

Но ближе к делу. Первое, что я увидел, когда пришёл к переславским реставраторам: два господина, одетых в потёртые шапочки, ватники и кирзовые сапоги, пыхтя, несли на плечах с улицы в мастерскую здоровенную доску. Скинув груз, судари смахнули ладонями пот с лиц, вздохнули: ну зараза, и тяжёлая ж доска попалась, сырая. Надо перекурить...

— Что ж, — рассказывал мне потом директор ТОО «Реставратор» Виктор Андреевич Рыжов, — живём тяжело. Сегодня мы не в состоянии ничего купить, чтобы хоть мало-мальски облегчить труд людей. Нищие остались...

Небольшая предыстория. Издавна в Переславле существовал реставрационный участок треста «Ярреставрация». Сам Виктор Андреевич с 1977 года руководил участком, который располагался в Фёдоровском монастыре. В конце восьмидесятых годов в Переславле решено было создать целое управление реставрационных работ. Понятно: в городе много памятников объём восстановительных работ огромен, а «управление» — это вам не какой-то там «участок». В общем-то, поначалу всё шло лучше некуда. Управление создали, поставили начальника, под командование которого и перешёл Рыжов вместе со своим коллективом и техникой. Область выделила огромные средства на создание материальной базы нашим реставраторам. Дачники, когда едут в Коровино, могут полюбоваться на эту базу. Она располагается за железнодорожным переездом справа: высятся там металлические сооружения. Словом, хорошая база... была бы. Как на грех, начались рыночные отношения, и одна московская фирма купила на аукционе новую базу со всеми потрохами, пообещав городу, что разовьёт дело и отреставрирует в Переславле если уж не всё, то многое.

— Но вот уже второй год фирма ничего не делает для реставрации, — продолжает Виктор Андреевич, — мы же остались без базы и техники. Организовали товарищество с ограниченной ответственностью «Реставратор» и приткнулись вот в этом — Даниловом монастыре. Сидим, что называется, на бобах. Варимся в собственном соку...

Размышляя о расхождении дорог московской фирмы и переславских реставраторов, я подумал: город вообще мог остаться без мастеровых людей: базы нет, техники нет. Куда идти реставраторам? Работу, конечно же, нашёл бы себе каждый. Причём, без проблем. Возьмём, к примеру, Николая Котюнина. Он и каменщик, и плиточник, и маляр... Его крепкие рабочие руки могут многое. И если уж взялся за дело — сделает на совесть, работает с душой, добросовестно. Разве ж он не нашёл бы себе места на любой стройке? И зашибал бы приличную денюгу?

Дело не в работе и деньгах: в общем-то, их нашёл бы каждый. Дело — в душе. Родство душ заставило четыре десятка человек сгруппироваться и продолжать свою будничную и любимую работу. Название сменилось, а по сути дела ТОО «Реставратор» — тот же самый участок, те же люди, и руководитель у них прежний — Рыжов. Единственное, что изменилось: пошли на рынок по шерсть, а вернулись сами стриженными, но вместе. Текучести кадров у них не было и нет.

— Вернее, есть у нас текучесть, — размышлял потом бригадир комплексной бригады Николай Иванович Котов, — но специфическая. Мы можем принять человека на работу вообще без специальности. Обучим его — это мы можем. Главное для нас — как человек относится к делу. Если болеет, с душой относится — наш. А если тят-ляп, абы как — извини и отодвинься в сторону. Мы же реставраторы... На стройке проще. У нас всё намного сложнее.

Он водил меня по братским кельям Данилова монастыря. Показывал, объяснял, растолковывал: работы много. Потом мы вышли во двор, и вновь он говорил и показывал: вон там — трапезная палата, церковь Похвалы Богородицы, парадные ворота...

— И всё надо восстановить в первоизданном виде, как построили наши предки. А посмотрите, как же они умели строить и создавать! красота! Время, конечно, и люди сделали своё дело. Всё обветшало, потрескалось, поотваливалось, но, — засветились его глаза, — сделаем, восстановим! Были бы деньжата, цементу надо, кирпичик, лес... За тридцать с лишним лет мы с хлопцами, считай, все кресты в городе поставили, главки. Да много чего отстояли у времени. На пенсию можно бы, да всё некогда, не оторвусь...

И я понял: он — романтик. И все они в «Реставраторе» — романтики и единомышленники. На головах у них могут быть шапчонки, одеты они могут быть в ватники, сапоги, валенки. Назови хотя бы одного — «господин», покрутит у виска пальцем: совсем чокнулся малый.

Реформа реформой, а дело делать надо. И делают. Надо поставить главку на церковь — поставят. Сначала в дереве топориком: тюк, тюк. Потом покروют железом. Надо крест — сварят. Потом его позолотят в Ярославле и они, кряхтя, вручную, скопом установят крест. И будет он сиять.

— Всё общее у нас, — говорит Николай Иванович, — бывает так, что и голову ломаешь, пока додумаешься: как сделать? Всё кругом перестроено, переделано. А как было раньше, у предков? Все мужики собираются, давай думать, кумекать: что тут было в стене? Окно или оконце? И какое — сводчатое или прямоугольное?..

Есть в «Реставраторе» архитектор А. И. Карнушин. Есть научный консультант, энтузиаст, знакомый многим, — И. Б. Пуришев. Но и они порой бессильны и доверяют людям, их интуиции. Она подскажет верный путь. Но откуда же она сама — интуиция? Ответ вроде и прост, но и сложен: издревле.

Возьмём Николая Котюнина. Отец его — Валентин Николаевич — коренной переславец. Едва ли не всю жизнь проработал в реставрации. Дело своё, мастерство и любовь передал сыну.

Или Алексей Михайлович Шабаршин. То же самое — ушёл на пенсию, но в реставрации его сын — Валерий. Да и сам Котов из коренных переславцев. Мастерские люди, руки которых даже золотыми назвать нельзя. Золото имеет цену. А эти руки бесценны.

А вообще, кто строил наши храмы, соборы, церкви? Да они же! Те далёкие предки, мастерские люди — Котовы да Рыжовы, Шабаршины да Котюнины, Ивановы, Петровы, Сидоровы... И как строили!

Порой мы не задумываемся: каким огромным богатством владеем. Говорим, кривя губы, подумаешь — памятники старины, архитектуры... Но какая ж это старина? Это самая настоящая, нетленная, современная красота. Не заёмная, не заграничная — своя. Российская. Навеянная природой, укладом жизни, былым людским общением.

Кто бывал за границей — видел, а кто не был, наверняка рассматривал альбомы с фотографиями чужих соборов, храмов, церквей. Они всегда смотрятся хорошо с одной точки — с фасада. А возьмите любую нашу церковь, к примеру, Покровскую на Плещеевской улице. Её можно фотографировать и рассматривать с любой точки. И она везде красива!

Думается при этом, что и возрождение России пойдёт быстрее, если мы поймём, что не надо делать, как в Японии, Франции, Германии... А делать надо своё, российское, но лучше и красивее в любом деле.

Признаться, я пришёл к реставраторам с одной целью — выяснить, почему падают старые колоколенки? Грохаются крыши? И каждый из нас видит порой: там что-то скособоцилось, вот-вот рухнет от ветхости. Слышит: развалилась церковь...

— А оно и будет падать да брякаться, — слышу я.

Спасибо, успокоили. И вы, читатель, не волнуйтесь, если услышите, что, скажем, в Никитском монастыре или Никольском что-то упало, завалилось, рухнуло. Не волнуйтесь.

Как живут наши реставраторы? В келье — 12 квадратных метров, не больше. Три стола да несколько стульев. Тут и бухгалтерия, и директор, и архитектор. На 1993 год из областного бюджета «Реставратору» было выделено 80 миллионов рублей на все работы. Плюс собственная прибыль — 10 миллионов. Больше ничего не попало в карман реставраторам. Зато тут как тут налоговая инспекция: выгребла 20 миллионов на налоги.

— Спасибо ещё Владимиру Ивановичу Шестернёву, помог освободиться от налогов в местный бюджет со второго полугодия. Но всё равно финансы, как говорится, поют романсы...

Что можно купить сегодня на несколько десятков миллионов рублей? Разве что пару автомобилей, мелькающих по телевизору. А что можно отреставрировать? В селе Елизарово едва не завалилась церковь — древнейший памятник архитектуры. Сейчас можно быть уверенным — не упадёт, она укреплена. Сделали пятиглавие на Всехсвятской церкви в Горицком монастыре. Осталось установить последние два креста — они на позолоте в Ярославле. Реставрация Гориц почти завершена. Остались только земляные работы — снять верхний, нарощенный веками слой до первоуродного.

И здесь, в Даниловом монастыре, идут работы... Но задолго до конца года деньги кончились. Спасибо Институту программных систем, пришёл на помощь и выделил 20 миллионов рублей на реставрацию Фёдоровского монастыря. Там занята часть людей. И на этом — баста. Стыдно сказать, но наши мастеровые люди работают в Ростове по временному приглашению. Ростовчане, которым областной бюджет не выделил на реставрацию ни копейки, где-то нашли средства, а мы — нет. Так что не удивляйся, читатель: будет что-то падать и кособочиться. «Что имеем — не храним, потерявши — плачем» — гениально сказано.

Но наши реставраторы, представьте себе, — оптимисты. Деньжат бы, говорят, миллионов триста. Освоили бы их запросто. А за руками, мастерами дело не станет.

Стою на горе у музея. Отсюда Переславль особенно хорошо смотрится. Плещеево озеро покоится подо льдом. Синь неба над головой. Золото куполов вдали: наше Отечество. Сама история смотрит в душу. Далёкая и современная, дальняя и близкая. Чудится звон сабель и поступь дружин народного ополчения. Стон вдов и радость победы. Шум митингов и демонстраций, и мощное, несмолкаемое днём и ночью дыхание «Славича».

Где-то там, за озером, археологи нашли стоянки первобытных людей.

От первого костра, зажжённого рукой безымянного гения...

От первого зерна, брошенного в землю рукой безымянного гения...

От первого... Всё от «первого» и до нынешних дней — перед глазами. И всё это — НАШЕ.